

Известия. 1999. 16 янв. - с. 7

Лев Додин: Логика свободного поиска

Театральный режиссер Лев Додин — один из самых неполи-
тизованных мастеров культуры. Все постсоветское время он воз-
делывает свой уникальный театр, ставит спектакли, каждый из
которых неизменно становится событием культурной жизни.

Первый вопрос исторического
характера:

— Вы были опальным, почти
выгнанным из Питера режиссе-
ром, и тут вам предлагают воз-
главить Малый драматический
театр... Ваша первая реакция?

— В первый момент, когда при-
шло предложение вернуться в Пе-
тербург (тогда Ленинград), я... ис-
пугался. Я уже прошел тот период,
когда значимы были факторы чес-
толюбия, самолюбия... Мне уже не
хотелось быть начальником. Тем бо-
лее, я уже посмотрел, как работают
главрежи в других театрах. С Ма-
лым драматическим театром меня
много связывало: я сам сюда при-
водил одного за другим своих уче-
ников, поставил здесь целый ряд
спектаклей, некоторые из них мне
были дороги, в том числе «Дом» по
Федору Абрамову... Мне стали
опять звонить, я стал кидать «орел»
и «решку», и когда выпадал «орел»,
то я кидал снова. Но выяснилось,
что это не помогает. Что все равно
необходим импульс. И таким им-
пульсом стала, как-то страшно го-
ворить, смерть Федора Александровича
Абрамова... Он умер не ожи-
данно, я приехал на похороны. Мы
пережили такое сильное потрясе-
ние, чувство общности, потери, и
как-то стало ясно, что мы должны
сделать «Братья и сестры» — пол-
ноценный спектакль, без всяких
урезок. И какое-то чувство действи-
тельно братства еще раз возникло
и с этими ребятами, с этой землей,
которую мы хорошо знали и кото-
рая еще раз потрясла своей нище-
той, своей всегдашней правдой, за-
мешенной на неправде. Абрамов
сам был отсюда, кость от кости, но
как же его ненавидели! Не только
начальники, но часто и простые лю-
ди, потому что он говорил о них не-
ласковые вещи... Помню, был ка-
кой-то праздник, мы с ним вышли
покурить на крылечко, вдруг какая-
то старуха бросилась: «Ой, спасибо,
Федорюшка, спасибо тебе!!!» Он
подумал, что она ему скажет «спа-
сибо» за правдивое слово, за книги.
А она продолжила: «Ой, спасибо,
что в книгу свою не вставил!». Он
прямо посерел весь... Так что, опу-
ская дальнейшие перипетии, доба-
влю, что, как человек слабосильный
и все-таки, значит, принадлежаций
к ныне ругаемой интеллигентской
породе, я дал согласие временно
исполнять обязанности...

— Жалели об этом потом?

— Почти сразу же. Мы играли
«Дом» на сороковой день после по-
хорон. Я вышел говорить какие-то
слова, предложил почтить минуту
молчания память писателя. И в это
время, когда наступила тишина в
зале, все встали, вдруг из окна ра-
диоэха стали слышны два громких

голоса, которые друг с другом спо-
рили. Они не говорили неприлич-
ных слов, но они спорили, это было
не остановить... Меня это потрясло.
А потом я выходил ночью из театра,
у нас есть такой проход через дыр-
ку, где еще до прошлого года была
помойка. Я шел мимо этой помойки
и думал, что вот теперь я всю жизнь
должен буду со всем этим дерьмом
иметь дело. Я не буду; я не хочу...
Утром я позвонил и сказал, что я не
буду, не хочу, потому что я просто
почувствовал, что я перестану зани-
маться театром, спектаклями, а
стану заниматься чем-то другим.
Но начальник оказался человеком
неглупым, он меня позвал, мы цел-
ый день разговаривали. Ну, в об-
щем, я остался. Только не подумай-
те, что жалею. Для меня это глав-
режство или художественное руко-
водство до сих пор осталось подар-
ком, потому что все-таки возникло
место, где можно жить так, как ты
считаешь нужным. А в качестве пла-
ты за эту свободу тебе приходится
заниматься рядом вещей, которы-
ми ты не хочешь заниматься. И как
топор над тобой все время висит
страх услышать однажды в минуту
тишины противные голоса людей,
занятых бытом. Это как мания.

— Ходят легенды, что ваш
театр чуть ли не единственный
в России, где все детали меха-
низма спектакля отлажены иде-
ально... Даже термин такой
используют: «спектакли белой
сборки».

— Может, это и происходит как
раз потому, о чем я вам сейчас рас-
сказывал. Помните ужас Стани-
славского: «Театр гибнет!». И я жи-
ву в постоянном ощущении, что мы
на краю гибели. И дело не только в
том, что, скажем, денег не хватает,
а часто их просто нет. Но потому в
любой момент, когда нарушается
художественный ход вещей, кажется,
что может рухнуть все. И это так.
Художественность собирается по-
степенно, а любая эпидемия безумия
распространяется моментально.
Когда я вижу неубранный туалет
или плохо вымытый пол в репетици-
онном зале, то прихожу в неистов-
ство. Потому что это халтура, и с
этой халтуры уже могут начинать
иметь право халтурить все.

— Вас часто называют «суро-
вым режиссером». Как вы реаги-
руете на актерские неудачи, про-
счеты?

— Я редко ругаюсь по поводу
плохо сыгранной роли. Понимаю,
что, во-первых, я сам в этом вино-
ват в какой-то мере. Во-вторых, я
знаю, что роль сыграть трудно.
В-третьих, я знаю, что наши арти-
сты все хотят играть хорошо, т.е.
они готовы делать усилия. Другой
вопрос, что что-то не получается,

ИТАР-ТАСС

Лев Додин

перестает пониматься и т.д. Но это
происходит не по чьей-то злой во-
ле. Я могу иногда сказать что-то
резкое, но чем дальше, тем мень-
ше. Я все больше понимаю, как
сложно быть артистом, какое это
безумное занятие. Вообще-то я все
больше понимаю, как сложно быть
режиссером...

— То есть чем дальше, тем
сложнее? Разве не помогают
опыт, наработанные приемы, на-
выки?

— Конечно, нет. Все больше и
больше возникает вопросов, «но»,
противоречий. Чем ты моложе, тем
для тебя многие ответы яснее. А ко-
гда ты становишься старше, они
расплываются, и, как бы сказать,
один ответ делится уже на десять
ответов. Если в молодости было
главным поставить спектакль, то се-
годня этот интерес все меньше. Ну,
поставишь спектакль, а что изме-
нится, а что прибавится? Важно
другое: а что ты узнал, что ты пони-
маешь, что ты поймешь, а удастся
ли тебе ответить на какой-то во-
прос. К каждой новой работе присту-
паешь с гораздо большим мучи-
тельством, чем к предыдущей.

— Считается, что режиссеры
бывают двух типов: одни ставят
спектакль, чтобы что-то изме-
нить в мире, а другие — чтобы
что-то изменить в себе. К какому
типу относитесь вы?

— В мире, мне кажется, изме-
нять что-либо безнадежно. А попы-
таться хотя бы что-то понять про

себя тоже, может быть, безнадеж-
но, но все-таки хочется. В этом
смысле самая большая ошибка —
мерить режиссеров их прошлым
опытом. Ты становишься другим,
время становится другим... Мы
вчера целый день репетировали
«Вишневый сад». Просто кончился
сезон, у нас остался один день, нас
ничего не застывает... Но у меня
накопился целый ряд вопросов к
артистам, и целый день мы репе-
тировали... Сначала думали, что
просто сыграем и поговорим. А по-
том уже влезли и до 12 ночи репе-
тировали полтора акта, прерыва-
ясь, останавливаясь и т.д., и т.п., и
ужасно жалели, что сегодня мы
уже репетировать не можем. Но-
вые возможности бесконечно воз-
никают.

— Лев Абрамович, каковы от-
личительные черты «додинско-
го» артиста?

— Вы знаете, мне всегда трудно
обсуждать что-нибудь связанное с
моей фамилией...

— Ну, хорошо, артиста Мало-
го драматического театра?

— Так проще. Я думаю, что на
самом деле не исключено, что та-
кой тип артиста существует, иначе
грош цена была бы всем нашим
усилиям. Мы довольно много лет
вместе работаем, у нас есть некото-
рые общие, так сказать, ассоциа-
ции. Я не могу сказать: общие мы-
сли, мысли у нас могут быть очень
разные, но ассоциации, некоторые
потери и находки человеческие. Мы

вводили недавно нового артиста в
наш старый спектакль, и я репети-
ровал не столько с ним, сколько со
всеми старыми артистами, потому
что вход его потребовал абсолют-
ной перестройки. Парадокс был в
том, что четыре дня с утра до вече-
ра мы репетировали со всеми теми,
кто хорошо играл. Сначала это бы-
ло удивление, а потом радость, по-
тому что вдруг обнаружилось новые
возможности: они стали по-новому
видеть, слышать и т.д., и т.п. Я ду-
маю, что с чужими артистами это
было бы, конечно, практически не-
возможно. Меня, мягко говоря, не
поняли бы, а скорее просто выгна-
ли бы в шею или устроили бы скан-
дал. Мне кажется иногда, что наши
артисты (иногда это замечается,
иногда нет, иногда ставится в вину)
умеют не просто двигаться или раз-
говаривать, а они умеют выражать,
они способны выразить свои чувст-
ва, трепетанием связок. Разница есть
между просто хорошо говорящим
артистом и артистом, у которого
связки отвечают на чувства, кото-
рые он испытывает. И рука движе-
тся в нужном направлении, а не про-
сто он умеет красиво сделать жест.
Хотя в последнее время на наших
сценах, мне кажется, и просто гово-
рить не умеют, и просто жеста сде-
лать не могут. Но это азы, и просто
ужасно, что они игнорируются. Но
самое главное, мне кажется, — на-
ши артисты нацелены на поиск...
Хотя, может, я и преувеличиваю. Я
ведь точно знаю: артисты во время
репетиций мечтают, когда наконец
это кончится и можно будет выйти
на публику, сыграть, получить свою
долю аплодисментов. Артисту важ-
но убедиться, что все мучения не
совсем зря. Это же над ним висит,
он же сам себя не видит. Это страш-
ное проклятие этой профессии, по-
нимаешь? Даже режиссер себя пло-
хо видит. Пока себя увидишь, долж-
но пройти какое-то время, но все-
таки... А актер не видит совсем. Ему
говорят: хорошо — хорошо, гово-
рят: все плохо — плохо. Он как че-
ловек без зеркала. И все-таки са-
мые интересные, самые счастли-
вые минуты жизни нашего театра,
мне кажется, связаны не с выпус-
ком спектаклей, не с теми или ины-
ми победами, успехами, аплодис-
ментами, а все-таки с репетиция-
ми. Причем с репетициями, на ко-
торых что-то не получалось, обя-
зательно долго, обязательно
искалось, крутилось, мучались,
проклинаясь. А потом воспомина-
ются все равно эти репетиции.

— А вы вообще любите репе-
тиции?

— Конечно. Только на репети-
циях бывают минуты, когда ты сво-
боден от самого себя, можешь
сказать то, что ты никогда не ска-
жешь в нормальной жизни, мо-
жешь рассказать о себе то, чего
никогда не расскажешь в быту, мо-
жешь услышать от другого то, чего
он никогда не расскажет в быту, —

так, как бывает в исповедальне
или в минуты любви. Здесь это с
тобой происходит: ты не прихо-
дишь сознательно открыться, по-
тому что если придешь сознатель-
но открыться, ничего не получишь,
это просто случается. И ты
проживаешь какую-то другую
жизнь... Я видел Абрамова, когда
он заканчивал «Дом», я был в пол-
ном ощущении, что он находится
под наркотиками, хотя он нарко-
тиков не принимал. Мы час прого-
ворили, и я видел, что его тянет
скорее к столу, потому что из него,
из его пальцев исходят слова и
судьбы. Можно называть это
«вдохновением», но это слишком
высокое слово, я предпочитаю:
«работа». Но, в общем, если что-то
держит театр на самом деле, то,
конечно, это, потому что все ос-
тальное театр разрушает, даже так
называемый успех. Слово, кото-
рое я абсолютно не понимаю и не
люблю, потому что мне кажется,
что никто не знает, что на самом
деле успешно. Что такое по отно-
шению к самому художнику дости-
жение, поражение — неизвестно.
Есть в жизни развитие, и ты в ней
движешься...

— У вас на днях должна состо-
яться премьера «Чевенгура»?

— Мы год или более того им за-
нимаемся. Чаще всего мы занима-
емся параллельно несколькими ве-
щами. Артисты по заданию что-то
сделают, работают мои помощники
по моим каким-то заданиям. Мы
смотрим время от времени, обсуж-
даем и как-то постепенно понима-
ем, что теперь сосредоточиваемся
на этом. Этим летом мы провели
прогон «Трех сестер», в результате
показалось, что пока мы не очень
знаем, что спрашивать у Антона Па-
вловича. А то, что мы спрашиваем,
не слишком интересно ни в вопросах,
ни в ответах. С другой стороны, мне
иногда кажется, что там есть какие-
то коренные вопросы природы че-
ловеческой: иллюзии человеческие,
надежда, которая заканчивается
всегда смертью...

— Вам никогда не хотелось
бросить эту неблагодарную про-
фессию?

— Последнее время довольно
часто. Иногда возникает ощущение
сизифова труда, и это опасно. Зна-
чит, энергия заблуждения ослабе-
вает. Единственно, что когда ты ока-
зываешься снова на репетиции, она
все-таки вспыхивает. Гаснет быст-
рее, чем раньше. Раньше удачная
репетиция могла долго тебя согре-
вать. Теперь ты знаешь, что и она в
целом ничего не меняет. Это те са-
мые знания, которые прибавляют
печали, как известно. Потом это
профессия энергетическая... Надо
иметь эту энергию. А уж насколько
у кого запасено — это нам неиз-
вестно. Я думаю, что если ты зани-
маешься театром, зная все это, то
значит, театр сам по себе вселяет
какую-то надежду.

Ольга ЕГОШИНА